

Колодець історій

Журнал РАСКАЗЫ
•Фантази•

Крафтовый литературный журнал «Рассказы»

Михаил Дьяченко

**Журнал «Рассказы».
Колодец историй**

«Крафтовая литература»

2023

УДК 821.161.1-344
ББК 84(2=411.2)64-445.1

Дьяченко М.

Журнал «Рассказы». Колодец историй / М. Дьяченко —
«Крафтовая литература», 2023 — (Крафтовый литературный
журнал «Рассказы»)

ISBN 978-5-6046114-0-1

Они одним словом исполняют такие желания, что меняют судьбы народов и обращают вспять прошлое. Они оживляют вещи, позволяя комодам и антресолям кружиться по дому в весеннем танце. Они обернут вас оборотнем на службе правительства или исследователем новой расы с зачатками сознания, схожего с людским. И пускай на время, но даруют возможность обрести самых необыкновенных товарищей по приключению. Они – истории. Наит Мерилион, Сергей Пономарев, Татьяна Верман, Михаил Дьяченко, Артем Сидоров и Оскар Мацерат. Шесть необыкновенных историй в жанре фэнтези в журнале Рассказы, выпуск 29: Колодец историй. Литературный журнал «Рассказы» – издание, где рассказы отбираются не одним-двумя редакторами в соответствии с их вкусом, а посредством голосования нескольких десятков поклонников фантастических и остросюжетных историй со всей страны. При этом над визуальным оформлением и иллюстрациями каждого выпуска работает специально приглашенный современный диджитал-художник.

УДК 821.161.1-344
ББК 84(2=411.2)64-445.1

ISBN 978-5-6046114-0-1

© Дьяченко М., 2023

© Крафтовая литература, 2023

Содержание

Наит Мерилион	7
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Колодец историй

Если стоять на льдине – руки в карманах —
и наблюдать, как вдаль утекает берег,
если по брови шапку и просто верить,
что не бывает поздно, а значит, рано
что-то решать, не дышать и со страху бросаться за борт,
то есть – бросаться с льдины,
можно стоять и думать: как же красиво!

...как же красиво птицы струятся в белом
облаке снежном, когда на него деревья
чёрными ветками, словно костями ложатся
и опускают тени сетями в воду...

Если в себя зажмуриться, если к себе прижаться,
то разомкнётся тело, и племена-народы
вышагнут из него и вдохнут поглубже
грудью твоей, а за ними – все твари, гады
встанут на льдину, где ты без пальто и кожи
смотришь на белый свет, и мелеют страны,
и опадают горы, и...
как же красиво, Боже!

– *Александра Зайцева*

Наит Мерилион Быть Тсерингером

Ларго не знал, что может быть хуже, чем явиться домой без фамильного комода с двенадцатью шляпками от лучших мастеров и шестью парами еще не ношенных туфель. А главное, со сплетнями со всего Костро. Комод этот действительно был особенный: стоило его открыть, а он уже одаривал тебя парочкой свежих слухов.

Магические вещицы должны быть у каждой уважающей себя семьи. В доме Тсэрингеров были и бокалы, болтающие о политической ситуации, и убегающие часы, и поющая люстра. После развода мама забрала только комод.

– Комод-сплетник принадлежит Тсерингерам! – Брови у работницы бюро слились в одну.

Это мама потеряла драгоценную фамилию, а вот Ларго Тсерингером остался. Правда, женщину в бюро он не сумел в этом убедить. Лишь тихо сказал: «Я и есть Тсерингер». Сказал и сам себе не поверил. Какой он Тсерингер? Он всего лишь Ларго – блокадыш, не способный воспользоваться силой.

Дверь бюро захлопнулась; тут же в спину подул ветер, словно подгоняя домой.

Слезы душили, Ларго всхлипывал и сжимал в руке мятное масло и старую кисточку – это ему вручили в комплекте с чайным столиком со слоновыми ногами. Работница бюро важно сказала что-то вроде «этого с тебя хватит», что значило: «все, что тебе можно доверить, глупый мальчишка, – столик из городской библиотеки». Поставила штамп о выдаче магической вещицы и свою работу сочла выполненной более чем успешно.

Столик нетерпеливо затопал.

– Пойдем, – зло шикнул Ларго и направился к дому.

Воздух дрожал от нарастающей паники: в продуктовых очереди, всюду хлопанье дверей, телефонные звонки, мрачное гудение. Лишь изредка кто-то один скажет: «Не верю! Туман сюда не поднимется!».

Утром объявили об эвакуации всего Костро. Наблюдатели с низин заметили странное волнение Вайкатопе неделю назад. Потом туман разодрал пасущихся овец. А после первой жертвы среди людей (им оказался дозорный у восточных ворот) город охватила паника.

Все вдруг стало каким-то перевернутым вверх дном. Но Ларго был этому рад. Пару часов назад маме прислали билеты на дирижабль. Ларго с мамой и луковым леденцом (так он называл младшую сестру) должны были переехать на Рондокорт. Наконец, спустя столько месяцев затворничества в этой глуши после скандального развода родителей, они вернутся к нормальной жизни.

Ларго обернулся на здание бюро, где драгоценный комод описали и отправили в багаж на отходящий вечером дирижабль, а вместо него выдали столик.

«Знаешь что, мама? Если бы ты сама удосужилась сходить за своим проклятым комодом, все бы было хорошо! Но ты предпочла отдыхать дома и послала меня, а мне всего лишь десять! Ты думала, мне дадут сопровождать большую вещь? Нет! Они сказали, что мы, Тсерингеры, будем эвакуироваться вместе с этим! Получи, мама, поганый чайный столик с жирными ногами!»

Столик нетерпеливо боднул запертую дверь.

– По голове себе постучи! – донеслось из дома.

Злая мама.

Ларго открыл дверь, ногой оттолкнув столик с прохода.

Леди больше-не-Тсерингер лежала на софе, а луковый леденец стояла рядом и махала на мать веером.

– Пока ты ходил за комодом, мы с Лайве собрали все чемоданы! Ну, что встал?

– Мама... – начал Ларго, закусил язык.

«Давай же, трус, – сказал сам себе, – если бы ты сама удосужилась...»

– Мама, я... Мне комод не выдали...

И тут мама села, а Лайве перестала махать веером.

Столик, до этого стоявший в дверях, радостно помчался напрямик к младшей сестре, напугав ее.

– Ла-а! – Луковый леденец кинулась прочь.

Мама резко поднялась, сплела узор вокруг ног столика, и тот нелепо повалился на пол. Она поймала Лайве и всунула ей в рот успокоительную пилюлю. А потом без лишних слов пересекла комнату, оказавшись очень близко... и высоко. Ларго поднял на мать глаза. Мгновение и – пощечина. Очередная.

– Говори. – В голосе мамы ненависть и нетерпение. – Где мой комод?

Каждое слово она произнесла с излишней тщательностью, отчего у Ларго по спине пробежал холодок.

– Твой комод в бюро. – Предательские слезы покатались по щекам. – Они не поверили, что я Тсерингер...

Мама хорошо владела магией. Связала ярко-голубой плетью сына и столик и вышвырнула их за дверь.

А вдогонку бросила: «Ты не Тсерингер!».

Ларго сидел на пороге собственного дома, царапал ногу веткой терновника. В очередной раз приник ухом к двери. Там, в доме, ныл луковый леденец, а мама ругалась по телефону с бюро. Наконец дозвонилась. Ларго замер, слушая бесконечное и повторяющееся одно и то же: мой комод то, мой комод это, вы за это заплатите, мы – Тсерингеры!

– Это ты больше не Тсерингер, мама, – прошептал Ларго в закрытую дверь.

Лучше бы она так за отца держалась, как за комод. Ларго почесал шею, оттянул кожу с ключицы до боли, снова принялся царапать шею.

Вот сейчас мама откроет дверь, и он ей скажет заветное «это ты больше не Тсерингер». Будет пощечина матери, не физическая, конечно. Впрочем, наверное, более унижительная и обидная.

Столик стоял рядом и не шевелился. На мгновение оба потонули в тени проплывшего в небе дирижабля. Того самого, на котором должен был лететь Ларго с мамой и леденцом. Наверное, фамильный комод там. Счастливый, летит себе сиротой, нет у него больше ни мамы, ни хозяйки – никого. Впереди неизвестность и полная свобода.

Столик тревожно затопал ножками.

– Отвали.

Ларго прижался лбом к двери.

Или же лучше ничего ей не говорить. Взять с собой столик и уйти прочь. Прибиться к семье Ясного, они тоже собирались на Рондокорт. А там уж как-то Ларго доберется до отца.

Папа лучше мамы.

Точнее, уж лучше папа.

Столик боднул Ларго в ногу, тот развернулся, чтобы пнуть его в ответ. Но не удержался и рухнул. Крыльцо задрожало. В доме со звоном посыпалась посуда, завизжала мама. Крики соседей «Вайкатопе!». Хуже, чем «Пожар!».

Ларго прижался спиной к двери, притянул к себе столик.

По саду уже поползли усики тумана. Вот один обвился вокруг цветущих флоксов и втянул в себя всю влагу. Повисли сморщенные ошметки.

Ларго часто думал о смерти. Живо воображал себе, как мама плачет у его гроба, как проклинает себя за то, что мало его любила. Усики зазмеились по ступеням. Ларго прикрылся столиком, вжался в дверь. Сейчас не хотелось умирать, даже из-за ссоры с матерью.

Говорят, на Рондокорте во время дождя над головами прохожих летают живые зонтики; у них перья ярко-малиновые, лазурные, канареечные; по ним стекают капли, «кап-кап». Мама обещала, что купит для Ларго личный зонт и сын не будет пользоваться услугами общественных.

Клубок тумана размотался, усик шевельнулся прямо у ноги, что-то большое, белесое подалось вперед, и где-то в его глубине отразилась трость канареечного зонта.

Нет – полоска света!

Опора ушла, Ларго упал на спину, заметив, как над ним сверкнула голубая розга.

– Мама!

Она хлестнула по туману несколько раз, прежде чем захлопнула дверь. Ларго уже был внутри.

Вайкатопе закрыл собой окна.

– Бегом! За мной!

Мама схватила луковый леденец за руку и потащила ее наверх.

– Маа-а! – заныла сестра.

Ларго знал: она не к матери обращалась, а канючила малину с сахаром. И плевать, что через миг их всех высосет туман!

Хорошо, что они обе больше не Тсерингеры.

Хорошо, что Ларго родился мальчиком и на всю жизнь останется сыном своего отца.

В гардеробной сильно пахло лавандой: кто-то, кто очень дорожил своими тряпками, до смерти боялся моли.

Мама схватила с полки горчичный свитер, куртку.

– Ларго. Три шарфа, – шепотом, словно розгой. И толкнула луковый леденец вперед. Та исчезла между персиковой шубой и осенним пальто, расшитым янтарем.

Ларго замешкался. Он не знал, где хранятся шарфы.

Конечно, это маму разозлило. Она больно наступила на ногу Ларго, хватая из ящика аккуратно сложенные шарфы. Толкнула Ларго к персиковой шубе.

Под ногами путался слоновий столик. Лез вперед.

Последнее, что Ларго увидел, перед тем как провалиться в никуда: мама хватает семейный перстень из шкатулки.

– Ла-а-а, Ла! Ла! Ла! – Луковый леденец сидела на полу, хлопала в ладоши.

За ней – длинный коридор с рейлами одежды. Ларго не знал, что гардеробная у мамы с секретом.

Справа зимние полушубки, меховые горжетки, муфты, а наверху – огромная пушистая шапка снежного цвета. Тут же вспомнился ее запах. Тогда мама была добрее.

– Нам не сюда!

Мама засуетилась. Побросала теплые вещи в сумку.

Ларго помог натянуть рейтузы на Лайве. Взглянул на столик, который играл с помпоном, отлетевшим от шапки сестры.

– Мы его возьмем? – тихо спросил Ларго.

– Конечно! – Мама даже на мгновение забыла, что туман сочится в дом. – Конечно, возьмем. В бюро мне обещали, что, если довезем эту табуретку в целости и сохранности до Рондокорта, нам ее обменяют на мой комод.

Мама кинула взгляд на рейл с летней одеждой. Шелковые платья, расписные платки и палантины, ушедшие в зимнюю спячку шляпки с перьями экзотических птиц.

– За табурет отвечаешь ты, – снова словно розгой.

Мама обвязала вокруг талии синий ремешок, а его конец закрутила вокруг запястья лукового леденца. Закинула на плечо сумку. Выдохнула.

Глазами пробежалась по рейлу, поправила сонную шляпку с длинными перьями в цвет ремешка. И юркнула между палантинами.

Руки дрожали, но Ларго решил, что так надежнее. Без спроса взял красный ремешок, привязал его к ножке стула, а потом и к своей руке. Мама отвечает за луковый леденец и решила, что так надежнее. А Ларго отвечает за столик. Все верно.

Бросил взгляд на шапку снежного цвета. Да, тогда был праздничный декабрьский день, Ларго сидел у мамы на коленях, вдыхал аромат снежной шапки. Глупый леденец спала в коляске. А рядом папа нахваливал пряное горячее вино.

Одна лишь мысль – и Ларго кинулся к палантинам. На них изображены сиреневые и розовые облака, воздухоплователи цвета поздних апельсинов и дирижабли. Ларго думал, что идет, но, оказалось, застыл. Дирижабли плыли, уходили вдаль. Ноги перестали чувствовать опору. Мамина магия, только она плетет такие кружевные узоры.

Боль настигла неожиданно. Ларго расшиб нос. Струйка крови потекла на пол. Прямо ему на спину упал слоновий столик. Ларго скинул его, и тот беспомощно забарахтался.

Мама могла бы и объяснить по-человечески, что нужно смотреть вперед, что между палантинами она сплела проход прямо в книжную лавку у станции.

– Даже лечить не буду, – сказала она.

Так Ларго и думал. Мама понапрасну свою силу не расходовала. Если бы только Ларго не был блокадышем! Если бы мог коснуться источника силы и тоже плести заклинания! Луковый леденец вот могла. В год она включала все приборы в доме одним движением брови, в два – оживила лошадь-качалку, в три – заставила юлу смеяться бабушкиным смехом. А потом няньки недоглядели. Глупый луковый леденец набрала в себя слишком много силы и выжгла себе мозг.

Ларго завидовал способностям сестры. А потом понял: лучше уж быть блокадышем, чем выжженной.

Ветер принес отчетливый запах железной дороги и паники. Ларго всегда хотел прокатиться на поезде, но «Тсерингерам так не положено».

– Поезд отправляется! На завтра билеты покупайте, – отмахнулась проводница.

– Вайкатопе заполняет всю долину, – мягко начала мама.

– Снимите номер в гостинице, – важно ответила женщина, поднимаясь на ступеньку поезда.

– А если весь фрагмент не переживет эту ночь?

– Значит, не переживет. Посадка окончена.

Она уже подняла руку вверх, чтобы выпустить сигнальный огонек.

– Мы – Тсерингеры! Вы знаете, что за таких пассажиров ваш поезд получит звезду?

Проводница замерла.

– Чем докажете?

Мама показала перстень, но проводница потребовала документы. Бегло просмотрела.

– Из вас троих Тсерингер только он. Один поедет.

Мама схватила сына за рукав и потянула к поезду.

– Ларго, как приедешь на станцию, подойди к полицейскому и все объясни. Скажи, что тебе нужно связаться с тетей. Она за тобой приедет. Сиди на станции и никуда не ходи ни с кем. Ты меня понял?

Проводница подхватила Ларго за край куртки и потянула в поезд. Из кармана выпало мятное масло и кисточка. Луковый леденец подняла и протянула Ларго.

– Да отвалите вы от меня обе! – Ларго вырвался из рук женщин. – Не будет у вашего поезда звезды! Не поеду!

Мама такие выходы не прощает. Мама любит послушание. Розга взметнулась в воздухе, хлестнула до одури больно. Уже не голубая, а ультрамариновая!

– А ну живо сел! – послышался глухой голос мамы.

– Не задерживайте поезд! – заверещала проводница. – Что вы тут устроили?!

Ларго хотелось разреваться. Столик приник к ноге, и стало почему-то легче сказать простое и окончательное:

– Не будет у вашего поезда звезды. Пойдем, мама.

Ларго направился к книжному магазину, откуда они появились на станции.

Мама могла бы связать Ларго силой, закинуть этой же силой в поезд. Она бы так и сделала, но луковый леденец упала на попу и заныла: «Маа-а!».

Малину с сахаром потребовала. Очень вовремя.

Все случилось неожиданно: из киоска выскочил мужчина, грубо оттолкнул растерянного Ларго. Проводница запустила сигнальный огонь, поезд взревел, тронулся. Мужчина рванул прямо к проводнице, схватил ее за руку и стянул с поезда, запрыгнув на ее место.

Мама покатилась со смеху. Месть «свыше» она обожала. Проводница сломала ногу, и от Вайкатопе ей теперь не скрыться. Разве только снять номер в гостинице и завтра проситься на утренний поезд.

Собирая узор в шкафу с книгами, мама даже не сдерживала улыбку. Линии ее заклинаний путаные, но красивые, каллиграфические.

Ларго шагнул вслед за матерью и сестрой, дернув за собой слоновий столик. Если бы не он, мама бы не разозлилась, не потеряла бы время, названивая в бюро. И они бы успели на свой дирижабль.

Ларго врезался в спину мамы. Хотел тут же извиниться, но мама опередила его, щелкнула по губам.

Снова в гардеробной. Слышно было, как голодный Вайкатопе разрушал дом. Билась посуда, гремела мебель, падали стеклянные шкафы. Наверное, осколки фарфора и хрусталя залиты туманным молоком, оно хрустит ими, беснуется. И вот-вот заглянет в гардеробную, чтобы распотрошить шкафы, а там... между персиковой шубой и янтарным пальто...

Мама и луковый леденец исчезли за зимним рейлом. Снежная шапка упала. Ларго поднял ее, чтобы положить на место. Задержал на мгновение в руках, вдохнул запах того дня, где луковый леденец еще спала в коляске, а место Ларго было у мамы на коленях. Где мама не была разведенной, Ларго не поставили диагноз «блокадыш», а Лайве была далека от своего первого завитка.

Счастливый был день. И Ларго шагнул вперед.

За зимним рейлом скрывался выход к старому межфрагментарному мосту. Он соединял Костро с Городео, но уже много лет мостом никто не пользовался. Одним утром его облюбовал Вайкатопе: навалился всем телом, уснул и навсегда отрезал два фрагмента друг от друга.

Хотелось спросить, зачем они здесь, но за мамой лучше следовать молча.

В гостинице пахло грязной тряпкой и сладкими духами. Столик бегал по фойе, кружился, топтал белые плитки, а когда наступал на черные, смешно заваливался набок. И каким-то чудом снова оказывался на своих толстых ножках. В бюро сказали, что столик – городское имущество. Стоял он в большой библиотеке или еще где-то. Но в случае, если мамин комод затеряется, за столик даже денег не получишь. Ларго и Лайве смотрели за бегающей вещицей, пока мама не подошла:

– Придется вернуться, – она была сильно зла, – в дом... Там... за весенним рейлом... может, нам повезет...

Плотный туман висел над мостом, стелился по разбитым камням, дымящимися лозами вился по перилам. Этот туман – спящий Вайкатопе. А тот, что дома, – голодный.

Мама подошла к брошенной разбитой лавке с товарами в дорогу. Сосредоточилась. Медленно взялась за ручку и открыла дверь.

И лицо у нее окаменело.

За дверью был проход в лавку. Пустые полки, разбитые витрины, сломанный кассовый аппарат. Мама резко закрыла дверь. Сосредоточилась. Ларго видел, она покрылась красными пятнами. Дернула дверь. И снова – пустая лавка.

– Ты взял что-то из гардеробной?

– Красный ремешок... – Ларго беспомощно потряс поводком для столика.

– Нет... Что еще ты взял? – Губы мамы задрожали. – Ты взял шапку...

Маме хотелось услышать «нет», а Ларго очень хотелось его сказать, но он виновато вытащил снежную шапку – воспоминание о счастливом дне.

В лавку влетел сначала Ларго, потом шапка. С размаху ему в лицо. Маме не хватало слов. Она просто орала что-то и била Ларго. И ладонями со звонкими шлепками по лицу, по голове, и кулаками, маленькими, железными, по спине, плечам. И ногами. У мамы модные туфли с тупыми тяжелыми носами. В такие моменты маме магия не нужна. Ей было необходимо чувствовать, как на ее пальцы наматываются волосы Ларго, как ногти впиваются и царапают кожу, как руки вытрясают из ненавистного и непослушного тела сына бесконечные «прости».

Ларго заслужил это. Нельзя было брать шапку. На ней лежал главный узел заклинания. Теперь им не транспортироваться домой. Столик бросился на защиту Ларго, мама попала по нему кулаком, рассекла себе костяшки пальцев, взревела, схватила столик и бросила его об стену. От его ножки откололась щепка. Тогда Лайве упала на пол рядом с Ларго и зарыдала.

– Маа-а... м-а-а-а... ни-и-и-и!

Мама тяжело дышала, Лайве всхлипывала, стараясь совладать с истерикой. Ларго лежал, все еще от чего-то закрываясь, когда раздался вскрик: «Вайкатопе!».

Столик, до этого хромавший вокруг Лайве, замер.

Мама и Ларго вскочили с пола, вместе подняли Лайве.

В гостинице должно было быть убежище, но туман уже окружил ее. Не добраться.

Мгновение – и мама тихо скомандовала:

– На мост.

Дверь лавки распахнулась, мама потащила Лайве к мосту. Схватить столик и рвать землю ногами, мчаться за мамой, за прыгающими впереди кудряшками леденца.

Не стоило оборачиваться, но Ларго с собой не совладал. Сквозь туманный кокон едва угадывался силуэт гостиницы. И та женщина, с которой мама говорила несколько минут назад, вдруг закричала.

Не было там никакого убежища. Может, несчастная пряталась под стойкой регистрации или в большом шкафу, который Ларго приметил в холле; может, в одном из номеров. Но не помогло... Наверное, она уже вся как те флоксы в мамином саду. Как выглядит человек, из которого высосали всю влагу? Ларго споткнулся.

Все вдруг стало ярче: Ларго заметил поврежденную ножку столика, травку, пробивающую себе путь сквозь каменные разломы мостовой. И там, у лестницы, – усик тумана. Шевельнулся. Вытянулся. И вот за клубился, вырос, пополз по мостовой в сторону Ларго.

Мама будет вспоминать ту ссору в лавке. «А глупый леденец как?» – мелькнуло в голове.

Ларго вскочил и помчался к мосту, потащив за собой на поводке столик.

– Беги! Беги! Беги! – Мамин голос расщеплялся.

Голубая розга хлестнула туман позади Ларго. Вайкатопе отпустил гостиницу и уже всей своей мутной сущностью устремился за новой добычей.

Мама и луковый леденец стояли у моста.

Сланг!

Огнем хлестнуло по руке, обвилось вокруг и дернуло, рвануло, протащило по мостовой.

Не Вайкатопе. Голубая мамина розга втащила Ларго на мост, и тут же стеной встал разъяренный голодный туман, словно врезался в невидимую преграду. Все застыло.

И луковый леденец молчала. И мама не ругалась.

Голодный Вайкатопе не решился будить свою спящую часть.

Мама надеялась, что так и получится. Но также она рассчитывала на то, что Вайкатопе уйдет в другую часть фрагмента, а он остался у моста. Раскинулся беснующимся морем.

– Пойдем по мосту до Городео, – сказала мама.

Голубыми путаными нитями она сплела большой силовой купол. Можно идти и не бояться нунтаров, обитающих здесь. Можно говорить вслух и не бояться разбудить Вайкатопе. Можно надеяться на то, что этот купол – самая надежная и непробиваемая защита.

Мама надела горчичный свитер на луковый леденец, бросила Ларго вязанный синий шарф, сама замоталась шалью с изображением пестрых длинноногих птиц. Вооружилась зонтиком-тростью.

– До Городео день пути...

Она посмотрела в непроглядный спящий туман. На миг Ларго показалось, что мама боится. Но вот она выставила вперед зонтик и зло сказала:

– За мной. Не вздумай потерять табурет.

Когда они наконец приедут на Рондокорт, первым делом Ларго напомним матери о канареечном зонтике с длинными перьями. На Рондокорте почти все время дожди, а туман там водится в обрывах и не трогает жителей. Мама говорила, на Рондокорте у них будет хороший солидный дом. И все там будет как положено: семейный фарфор, лучшая школа, наряды от главного мастера фрагмента.

А столик придется обратно обменять на комод. Забавный столик, правда совсем некрасивый. Лак облупился, вся спинка покоцанная, поцарапанная. Теперь еще и ножка повреждена.

Ларго ничего не делал, но мама почему-то обернулась и зло шикнула. И тут же луковый леденец заныла. Устала.

Мама присела на корточки, но столик тут же отбежал от нее, спрятался за ногами Ларго.

– Так и думала! Мерзотная вещица с собственной волей. Скорее бы отдать...

Хотелось сказать: «Мама, не надо так!» – но лучше молчать.

– Попроси его растянуться. Лайве надо уложить, – потребовала мама.

Ларго присел на корточки, будто так столик услышит его лучше:

– Помогите нам, пожалуйста.

Ларго ни на что не рассчитывал, просто сделал, как велела мама. Но, к его удивлению, столик задрожал. Прежде твердая спинка поплыла, сквозь синий лак проявились узоры. Сначала они были похожи на бутоны глиняных цветков, а потом растянулись и стали волнами. Ларго закрыл глаза, и вовремя: в лицо ему отлетели кусочки лака.

Еще мгновение – и вот перед ним был уже не столик, а кушетка!

«Спасибо» от мамы не дождешься. Она молча подложила снежную шапку под голову лукового леденца и накрыла дочь шалью.

– Отдыхай, Лайве. Все будет хорошо.

И снова потянулась белесая монотонность шагов.

Столик отдадут в обмен на мамин комод со сплетнями. Горло засадило от обиды. Отныне Ларго будет смотреть на всю мебель и сравнивать ее со столиком, который по своей воле растянулся для них.

«Интересно, ощущают ли магические вещицы боль? Или им все равно?»

Мама замедлила шаг, подала знак остановиться. Туман распадался, опускался ниже, стекал по земле. С каждым шагом глаза жадно ловили всё новые детали. Остановка, брошенный автобус, будка билетера, словно сломанная забытая игрушка, деревья, тянущиеся не к небу, а горизонтально, в направлении Городео.

И лучшее, что могло случиться, – гостиница с горящими окнами!

Ларго не поверил, мама тоже. Три шага – и она уже повисла у сына над ухом:

– Я оставлю вас с Лайве здесь. Не буди ее. Вас будет закрывать мой купол. Но в гостинице люди. Мне надо проверить, можем ли мы заночевать там.

– Я боюсь, не уходи. – Ларго вцепился в маму, но она резко вырвала руку.

– Заткнись и приди в себя. Ты отвечаешь за сестру. – Она хотела было отойти, но вспомнила: – И за табурет.

Мама стала таким же темным силуэтом, как и деревья возле гостиницы, как само здание с горящими окнами. В дом она не пошла, а пролезла под окнами.

Ларго уже чувствовал вкус запеченной в горшочке индейки, которую наверняка подают в таких гостиницах. Непременно с молодым картофелем и благородными грибами. На десерт – горячий яблочный пирог и чай с приправами. А после ужина поднимутся в спальню, где такая приятная шершавая простынь. Наволочка и пододеяльник пахнут лимонным мылом и хрустят от прикосновений.

Мама вернулась, у нее кровоточила нижняя губа. Видно, искусала. Ларго снова показало, что ей страшно. Такого быть не могло.

– Там хозяин гостиницы... И трое постояльцев, все мужчины. Все сильные маги. – Мама обычно не вдавалась в подробности, но здесь что-то разоткровенничалась. – Глупо идти туда. Они могут быть кем угодно.

– Мама, они нас защитят. Пойдем с ними до Городео?

И тут мама вздрогнула.

– А если они нападут? Риторический вопрос, тупица.

Теперь Ларго узнал маму. Все в порядке.

Она взяла столик за поводок и потянула за собой назад, в туман. Вытянула зонтик, водила им из стороны в сторону так, будто нарочно что-то искала. И это что-то тут же отозвалось – стукнуло.

– Калитка. Оставайтесь здесь, я проверю.

И снова мама ушла, только Ларго теперь ничего не видел.

Покосился на спящий луковый леденец. Не дай бог проснется и заночует. Успокаивать придется, а Ларго никогда не мог с этим справиться. От одной мысли вспотели руки. Если бы Ларго не был блокадышем, отец никогда бы не отпустил его с матерью после развода. И Ларго бы сейчас сидел в своей комнате, изучал заклинания, и ему бы подносили чай с чабрецом и слоеное печенье с трюфельным маслом.

– Идите сюда.

От шепота мамы внутри все заволновалось.

Ларго чуть дернул поводок, столик пошел за ним.

– Как здесь все четко... – невольно сказал Ларго.

Платформа медленно спустила их на нижний ярус.

Здесь целая площадь с брошенными сувенирными лавками, высушенными и скрученными в узлы деревьями и маленьким двухэтажным кафе. От стыковки платформы с площадью луковый леденец заворочалась, а потом, к ужасу Ларго, открыла глаза... Конечно же, заныла сразу.

Ларго мечтал оказаться далеко-далеко от мамы, которая, как всегда, разозлилась. Далеко от леденца, которой, как всегда, все не нравилось или у которой, как всегда, все болело.

– Штаны мокрые. Надо менять ей штаны, – сказала мама.

Ларго готов был поклясться, что мама тоже хочет все бросить и убежать подальше от них с сестрой.

– В комод был компромат на твоего отца, – вдруг сказала мама. – Я хранила его на случай, если мы останемся без денег и помощи. А ты все испортил.

Ларго вздохнул, слишком громко и как-то не так, но – совершенно точно – он так вздохнул не нарочно. И мама взвилась:

– Ты что так вздыхаешь? Что ты так смотришь? Думаешь, почему я послала тебя одного? Мама наступала, а Ларго все пятился назад. Она больно ткнула его в грудь.

– Потому что я не могла забрать чертов комод! Я больше не Тсерингер. – Только сейчас она, казалось, это осознала. И замерла. – В комод было нечто, что уничтожило бы твоего отца... А теперь у нас ничего нет...

Ларго ждал, что мама сейчас или снова его ударит, или заплачет. Но все решила Лайве. Она устала сидеть молча и снова заныла. Тогда мама выхватила у Ларго поводок и потащила столик с луковым леденцом к кафе. Пришлось идти следом.

Из звуков – только шорох шагов и монотонное «ма-а-а-а».

Мама зашла в кафе, а Ларго задержался.

Как хорошо, что здесь ясно. Туман нависал сверху и змеился по площади. Ларго хватал глазами все, что видел. Разбитые окна и витрины, повисшая вертикально вывеска «Кофе, вода, кислородный чай». Дерево, которое высосал Вайкатопе. Дотронься до него – рассыплется в труху. Перевернутый фургон с мороженым. Может, стоит поискать малиновое для леденца? Может, нанесенное одним летним днем заклинание позволило мороженому не растаять за годы? Ларго почти двинулся к фургончику, как что-то разбилось.

Неужели мама с леденцом успели подняться на второй этаж? Ларго готов был поклясться, что слышал звук именно оттуда.

И тут мама закричала, что-то нечеловеческое захихикало следом. Ларго тут же распахнул дверь кафе.

Голубая сеть раскинулась по полу. Запутавшись в ней, хихикало от боли гуманоидное скрюченное существо. Мама сплела кокон вокруг нунтара, который уже начал давить жертву внутри себя. Впрочем, нунтар заливался смехом.

Лайве забилась в угол, а столик, успевший принять обычный размер, закрыл ее собой, как щитом.

Еще один нунтар ввалился в кафе, кувыркнулся, подпрыгнул. Мама не успела среагировать, как он уже бросился ей на спину. Голубая розга взметнулась к потолку, хлестнула нунтара. Ударил еще, прежде чем закрутилась, размножилась, и вот уже второй нунтар оказался в голубом электрическом коконе. Мама посмотрела на Ларго. Лицо ее, обычно строгое и правильное, поплыло от страха.

Нунтар был позади сына.

Голубая плеть метнулась, обвила шею существа. Раздался хруст, нунтар повалился на Ларго, придавил всем весом. Запахло чем-то противно сладким. Тело у твари скользкое, словно она вылезла из какой-нибудь маслянистой реки. Из-под серо-черной руки с отчетливыми красными нитями вен Ларго увидел, как нунтар прыгнул на стену, навис над луковым леденцом. Ее белые кудряшки дрожали, выглядывали из-за столика. А глупые всхлипы только привлекали ползущую тварь.

Ларго содрал ногти, цепляясь за пол, вытягивая себя из-под мертвого тела. Закричал. Мама не справилась.

В одно мгновение, словно свет погас, все голубое на полу и в воздухе исчезло. Нунтар навалился на маму, стал ее душить, приподнял и ударил ее головой об пол, еще и еще.

Ноги Ларго оставались прижаты. В ушах засвистело.

Может, у него от страха случился разрыв мозга? Но твари тоже слышали свист. Он шел откуда-то сверху, и нунтары ринулись на него, забыв о своих жертвах.

Хлопнули ставни. Упала и разбилась оставшаяся на краю стола чашечка. Осыпалась старая штукатурка.

Локтями подтягивая себя вперед, Ларго вылез из-под мертвого нунтара.

Мама лежала на полу без сознания. Ноги у Ларго дрожали, он поднялся на колени. Только бы дышала... Ларго смотрел на неподвижную грудь, пытался уловить дыхание мамы ухом. Ничего.

Лайве завывала, как собака, которой отрубили лапы.

Неведомая сила развернула Ларго и толкнула к выходу. Мама умерла. Луковый леденец – худшее, что могло с ним случиться.

Ларго бежал к платформе. Прочь от воя младшей сестры.

Позади послышался топот, столик бросился в ноги, и Ларго полетел на землю, проехал животом, грудью по разбитой мостовой. Так и остался лежать, уткнувшись лицом в камни.

Столик требовательно ткнул его ногой.

– Отвали! Отвали от меня, тупая вещь, из-за которой мы опоздали на дирижабль! Ненавижу тебя! Из-за тебя мама умерла! Умрет и моя глупая сестра! И я умру! Все мы умрем! И ты сгниешь тут!

Ларго вскочил на ноги. Где-то под руку сам собой подвернулся камень – отлетела еще одна щепка.

– Никчемный!

Кровь потекла из носа. Саднили ладони, колени, живот. Ларго опустился на четвереньки, и его стошнило.

– Я хочу на Рондокорт, хочу канареечный зонтик! Я хочу к папе.

Мальчики не плачут. Так все вокруг говорили. Но Ларго зарыдал.

– Я – блокадыш! Я ничего не могу сделать! Ни одного заклинания! Я не могу помочь маме, не могу защитить Лайве! Я никчемный блокадыш, который может только бежать!

Ларго поднялся на колени. Столик стоял, словно и не живой.

– Прости меня. – Ларго вытер нос, шмыгнул. – Ты боишься меня, как я маму? Я не такой... мне просто тяжело очень... и страшно. Я ведь совсем один.

Как бы поступил папа? Глупо сравнивать. Папа владел силой гораздо большей, чем мама. Папа бы здесь не оказался.

Как бы поступил Тсерингер? Любой Тсерингер владеет силой. Ларго – первый блокадыш в роду. А Лайве – первая выжженная. Как тяжело, должно быть, несчастной, злой маме.

«Мама!»

Ларго бросился в кафе.

Если бы не папа, Ларго бы просто упал рядом с сестрой и завывал точно так же. И они бы оба отдали маму бесконечности, даже не попытавшись...

Ларго растегнул мамино платье, положил одну руку маме на лоб, а пальцами второй подцепил подбородок так, чтобы голова мамы запрокинулась и воздух смог попасть ей в легкие.

Два выдоха. Начинать надо было с них.

Ларго зажал маме нос и два раза старательно выдохнул воздух ей в рот.

Лайве монотонно выла, раскачиваясь вперед и назад.

– Пойди найди целую чашку! – строго приказал Ларго.

Сестру нужно было отвлечь, чтобы не мешалась.

Ларго отмерил двумя пальцами вверх расстояние от ямки меж ребер, сложил руки, как учил папа, и нижней стороной ладони нажал маме на грудь.

Его едва хватило на тридцать раз. На мгновение показалось, что больше он не осилит. Но снова два выдоха в маму и тридцать нажатий.

Руки занемели, по лбу струился пот. Снова два выдоха и тридцать нажатий.

Луковый леденец завывала, потому что не нашла целую чашку. Она ворочала в груди осколков поломанной вешалкой и выла, выла, выла...

Ларго остановился. Больше он не мог. Сначала остановился, а потом уже увидел: над мамой заискрилось голубое и бесформенное.

Задышала!

И теперь на границе сознания она пыталась сплести защиту. Луковый леденец перестала выть, подбежала к маме и прижалась к ней. Над ними нависла кривая голубая сеть.

– Лайве... я пойду звать на помощь. Тех мужчин из гостиницы. Ждите здесь...

Ларго подобрал зонтик и вышел из кафе.

– Пойдем со мной... – сказал он столику. – Пожалуйста.

Столик согласился. Потопал следом.

Все не так уж сложно. Подняться наверх на платформе. Готово.

Дальше хуже. Пришлось идти в белой мгле одному, без маминой защиты, выставив вперед зонтик.

Ларго дробно вдохнул, когда туман стал рассеиваться. Прибавил шаг, перешел на бег. Хотелось ворваться в гостиницу, кричать, звать на помощь сильных магов, которые их спасут, с которыми безопасно дойти до Городео. Но столик бросился в ноги. Ларго споткнулся.

– Ты что творишь? Опять?

Хотелось снова выплеснуть свой страх. Ларго вспомнил, как мама разбила костяшки пальцев, ударив столика. Может, тоже боялась... Ларго погрозил ему пальцем:

– Больше так не делай. Будем договариваться. Два раза топаешь левой ногой – значит, «да». Один раз – значит, «нет».

Столик топнул два раза.

– Будем осторожны. Сначала заглянем в окно, как мама.

В общем зале горел свет, но было пусто. За стойкой регистрации тоже никого. На кухне пар от кружек с чаем. Распахнута противоположная дверь. Может, гости вышли покурить через ту дверь?

– Обойдем гостиницу.

Столик обогнал Ларго и стал высоко поднимать ноги и мягко ставить их на землю.

– Идем тихо, я понял.

Ларго приник к стене здания, прижал к себе зонтик и медленно последовал за слоновьим столиком.

За углом ничего. Тумана нет, видимость отличная.

С левой стороны от парадного входа – крыльцо. Дверь медленно открылась, вышел старик.

Вот оно, счастье! Оставалось набрать воздуха, чтобы наконец прокричать о помощи.

Но Ларго прикусил язык, вжался в стену здания. Строго друг за другом твари медленно двигались к старику. Закрывать бы глаза и не видеть, но невозможно было...

И Ларго смотрел на качающиеся, выпитые туманом тела, на белесые глаза, в которых лишь голод, на растянутые плечи рук и изогнутые внутрь ноги. Словно Вайкатопе лепил из пластилина уродливые человеческие подобию. А потом бросил это занятие, когда дело дошло до деталей. Ни черт лица, ни волос. Носовые впадины, глазные ямы и рот от уха до уха.

Нунтары проходили так близко от Ларго, что тот перестал дышать. Слышал лишь учащенное животное дыхание тварей и стук крови в голове.

Старик развернулся, поднял что-то большое и черное легко, словно пушинку. Тело мага тяжело рухнуло к ногам нунтаров.

– За вторым приходите через пару часов, он еще не готов, – сказал старик, стряхивая с рук остатки мутно-зеленых заклинаний. – Завтра получите третьего и проводите меня до Городео!

Ларго, если бы мог, расщепился бы на молекулы, каждая частица его поместилась бы в трещины старой гостиницы и он бы слился со стеной.

Как хорошо быть столиком. Вещью. Она не чувствует боли и не ведает страха. Только щепки летят, а ей все нипочем. Топает себе и никакой силой не обладает.

Нунтары окружили труп. Ларго почувствовал, как холод сковывает его изнутри. И если бы нунтары начали прямо при нем есть мертвого мага, он бы не выдержал – завыл.

Но твари бережно подобрали тело, как мама свои шарфы и палантины, когда они падали с вешалок. И утащили его в туман, оставляя после себя ясность.

Там, вдалеке, Ларго увидел огни! Должно быть, Городео совсем рядом! Так горят окна высотного дома, который наверняка стоит на границе.

Ларго еще долго сидел, вжавшись в стену гостиницы, а ясная дорожка в тумане все еще оставалась. Тело отяжелело, ноги едва слушались. Ларго плохо помнил, как снова оказался в кафе, как залез под мамин защитный купол.

Дрожь унялась со временем. Дыхание мамы можно было уловить, только сильно к ней прижавшись. Видимо, луковый леденец только и делала, что слушала дыхание. Белые кудряшки замаячили в поле зрения Ларго. Леденец села, осмотрелась по сторонам. Увидела шапку и показала на нее.

– Да, да, я виноват!

Сестра замотала головой и снова указала на шапку.

Ларго поднялся, вышел из купола, подобрал снежную шапку, отдал Лайве.

Леденец подложила шапку под голову мамы, расправила складки на ее платье, долго думала, что делать с оторвавшимся кружевом. Положила рядом. Порылась в сумке, достала мятное масло и кисточку, жестом пригласила столик под купол.

А Ларго стоял и смотрел, как мама и сестра доживают. В груди словно большая пиявка завелась и сосет, сосет, сосет. Скоро у мамы кончится сила, защитный купол спадет. Придут нунтары и добьют маму. Зачем вообще он пытался вернуть ей жизнь? Ради очередной смерти?

Луковый леденец старательно втирала масло в столешницу, прошлась по ножкам. Столик радостно затопал. А потом Лайве взяла оторванное кружево маминого платья и обмотала им поврежденную ножку столика. Довольно кивнула.

В кафе стоял запах крови и мяты.

Будь леденец прежней Лайве, она бы спасла и маму, и Ларго. Она бы рассеяла туман, она бы была сильнее мамы и папы, вместе взятых. А теперь, как столик, ничего сказать не может.

И не было у нее способности создать защитную сетку. Но это масло, которое она втирала в столик, эта ее сосредоточенность вызвали во рту Ларго острую горькость, какая бывает после чая с гликозидными цветками. Его пьют, когда болит сердце или разум.

– Лайве... – шепотом позвал Ларго.

Сестра не отзывалась.

– Прости меня...

Повернулась, протянула брату кисточку.

– Нет, я ничего не хочу у тебя забирать! Прости меня, маленькая Лайве! Я самый худший старший брат на свете... ЭлЭл! Теперь я буду называть тебя двумя буквами «эл». Только мы с тобой знаем, что ЭлЭл – это луковый леденец.

Сестра сделала губки рыбкой. Она всегда так делала для папы. Расплела косичку и протянула брату ленточку цвета спелой малины.

Можно было оставаться просто Ларго. Принять неизбежное, просить прощения у сестры, смотреть на то, как угасает мама.

Вот Лайве молодец. Ничего не боится. Может, потому что не понимает. А столик... Этот столик все понимает и все равно ничего не боится. Может, потому что не чувствует боли?

Как же это здорово – быть столиком.

И Ларго решил не пытаться быть как отец. Для этого у него нет таланта и способностей.

И его, конечно, никто и никогда не признает достойным фамилии Тсерингер.

Но почему бы ему не стать похожим на обычный столик из городской библиотеки? Все, что для этого нужно, – идти вперед и не бояться летящих в тебя камней.

Ларго намотал на руку красный ремешок, вооружился зонтиком и пошел к гостинице. Отныне он – вещь, которая ничего не боится. Ларго – столик. Его дело – топтать вперед сквозь туман.

Может, подкупить старика?

Может, договориться с ним?

Обмануть?

Убить?

Убивать глупо... У старика с нунтарами договоренность. Подкупить лучше. А если старик обманет Ларго? Убьет их всех и сторгуется с нунтарами еще за что-нибудь?

Определенно, стоило убить старика и пытаться договориться с нунтарами. Они и речь человеческую понимают.

Вот только как убить? Зонтиком? Удавить ремешком? Но хватит ли сил...

Ларго наблюдал из-за угла здания.

Хозяин гостиницы ждал на крыльце. Улыбался, пускал сигаретный дым завитками, любовался ими. А может, любовался тем, как нунтары покорно ждали. Он затушил сигарету о перила, бычок спрятал в карман.

Ларго всем телом чувствовал холодную стену гостиницы. Он видел защитную зеленую сеть, которую твари не могли разорвать, видел, как старик лихо поднял тело мага и бросил нунтарам.

Твари то ли похихикивали, то ли постанывали. Видимо, с ума сходили с голоду, но на тело не бросились, снова бережно подобрали и ушли в туман, оставив за собой ясный след.

И снова Ларго увидел огни!

Зачем старику нунтары, если граница так близко?

Ларго подождал, пока старик уйдет в дом и указал столику в ту сторону, куда ушли нунтары. И столик топнул два раза.

Сразу стало легко. Смешно и легко. Ларго – не человек. Это раньше он был человеком. А теперь он – вещь, которая не ведает ни боли, ни страха.

Все, что надо делать, – это топтать вперед. Туда, за нунтарами. Считать шаги до огней. Он найдет на границе смотрителей и попросит о помощи. И все будет хорошо.

Слоновый столик бодро шагал впереди. Ларго сжал в руке поводок, стал сочинять песенку из одной лишь строчки: «Столик, столик-поводырь, ты води меня, води». И на все старые мотивы напевал ее у себя в голове. А потом эта глупая песенка сама собой превратилась в молитву.

Столик замедлил шаг, и Ларго тоже. Они оба уже видели горящее медовым пламенем дерево. Огни оказались плодами! А вовсе не окнами приграничного здания.

Просто дерево посреди пустыря.

Ноги подкосились, и Ларго вмиг оказался на земле. Теперь Ларго – столик без ножек. Дощечка. Щепка, которая наблюдает за тем, как сумеречные силуэты выстроились вокруг дерева. Они, поскуливая, ждали, пока из тел мертвых магов сочилась сила, ползла по земле, утекала глубоко, чтобы напитать корни.

И вот тела утянуло куда-то в рыхлую землю, а на нижней ветке выросло два новеньких плода.

Нунтар сорвал с ветки янтарный плод, разодрал когтями. Теперь каждый подходил, брал по кусочку и жадно сосал доставшееся сокровище. Глаза их горели янтарем, и кожа переливалась янтарным, они часто дышали. И не хихикали.

Мама и ЭлЭл тоже станут такими плодами. А Ларго просто умрет... Здесь конец всему.

Охватило сонное свинцовое состояние, как во время тяжелого гриппа. Вот бы умереть как-нибудь легко и прямо сейчас. Пальцы сами собой потянулись к запястью и нащупали малиновую ленточку. Ларго напомнил себе, что он всего лишь щепка.

Нунтары завершили трапезу. Поволокли свои тела в разные стороны. Один из них прошел мимо Ларго, чуть не зацепил ногой. Глаза у нунтара застланы янтарной пленкой. Словно сомнамбулы, они расходились прочь от дерева, им было хорошо. И уж точно не было им никакого дела до столика и лежащей на земле большой щепки, которую некогда звали «Ларго».

Белая бездна текла над головой, а по ней плясали янтарные блики. Надо было оставаться там, в кафе. Ждать своей участи. Ларго коснулся ленточки ЭлЭл.

Голова закружилась, запульсировала от боли. Сам бы он никогда не догадался. Возможно, древняя кровь Тсерингеров подсказала путь. У дерева никого не осталось.

Ларго не чувствовал собственного тела, не понял, как оказался у ветки и сорвал с нее сокровище нунтаров. Плод оказался липким, сморщенным, полупрозрачным. И теплым. Словно маленькое скукоженное солнце с пульсирующим ядром.

Тот, кто раньше был Ларго, испугался бы откусить. Побрезговал. Но теперь Ларго – всего лишь вещь.

Сахар захрустел на зубах. Кожица поранила язык. Мякоть оказалась приторно-сладкой. Вот чем пахло от нунтара. Зубы скользят друг о друга, на языке неприятная пленка. Вкус слегка медовый, слегка грушевый, слегка сливовый. А как проглотить – во рту ощущение, что откусил от восковой свечи.

Ларго подумал, что от одного кусочка у него началась изжога. Но в груди становилось все горячее, раны засадили еще сильнее, глаза заслезились, веки стали слипаться.

И тут Ларго увидел мага. Все вокруг залито янтарем, маг плетет заклинание, играючи разводит костер. Рисует в воздухе огненные фигуры, пускает испепеляющие лучи в туман.

Видение исчезло.

Что-то треснуло, обдало жаром – костер прямо у ног. Но как?

Ларго не касался источника силы, не плел заклинаний.

Ядро пульсировало, а внутри ядра – искаженное отражение мага. И пока Ларго доедал плод, он все смотрел и смотрел на костер – первое, что он сделал. Пусть с помощью мертвеца, пусть не лично, но все же...

Языки пламени менялись: то были красными, злыми, то неуверенными, едва оранжевыми. Ларго вспомнил про синий огонь и зеленый, и тотчас же костер под его ногами поменял цвет.

Работает...

Столик прижался к ноге, отвлек от костра.

Ларго быстро сорвал следующий плод. И следующий. Плоды были разные по размеру. Одни крупные, как осенние яблоки, другие размером с мелкую сливку. И пахли по-разному, но все очень хорошо. Какие-то хлебом, какие-то шерстью, скошенной травой, теплым молоком. А один пах солнышком.

– Мы возьмем плоды в заложники, – неожиданно для самого себя сказал он.

Столик постучал ногой по корням дерева.

– А корни мы отравим, выжжем.

Ларго попробовал залезть на дерево, но только ободрал ладони и голени. Он не собирался просить, столик сам вдруг задрожал, растянулся. Подошел к дереву и встал на задние ножки, оперевшись на ствол передними.

Ларго забрался на дерево по столику.

Плоды летели вниз, мягко падали на землю, старые трескались, новые отпружинивали, как мячики.

Ларго заглядывал в ядра, иногда ошибался и надкусывал не тот плод. А потом наконец нашел. Девушка, посвятившая свою жизнь садовой магии.

Жадно откусил, сосредоточился и, медленно разжевывая грубую кожицу, представил, как корни дерева засыхают.

Ларго снял с себя шарф, куртку, свитер. С помощью силы успешно подобранного плода связал все в одну котомку. Плоды потянулись в сумку, собрались.

Столик понес светящихся заложников, а Ларго пошел впереди. В одном кармане – пленник с ядром мага-лекаря. В другом – ядра магов-истребителей. В каждой руке по боевому плоду. Прежде чем скрыться в тумане, Ларго обернулся: дерево было мертво.

Покинувшая тело дрожь вернулась, но теперь она была совсем иного характера. Однажды папа дал ему попробовать вина. Состояние было примерно такое же.

Ларго устал жевать, вгляделся в туман – никого. Он покрутил в руке боевой плод, липкий, сияющий. Может, туман рассеивается от плодов? Ларго поднес было плод ко рту, но что-то ударило в спину, и плод взлетел в воздух. Нунтар набросился сверху, засунул в рот Ларго скользкие пальцы, мальчишка машинально укусил, извернулся под холодным телом. Нунтар ухватил Ларго за волосы, потянул на себя до хруста.

Вот он, конец.

В глазах потемнело. Но тварь отпустила, кинулась к валяющемуся плоду.

Ларго поднялся, в голове звенело. Это нормально, так бывало уже, когда мама была сильно. Вот только она останавливалась, а нунтара ничто не остановит. Ладони взмокли, боевой плод чуть не выскользнул, и Ларго бы успел откусить, но нунтар бросил ему в глаза горсть земли, а затем бросился и сам, повалил Ларго, впился по ошибке не в плод, а в руку. И тут же в бок твари со всего размаха влетел столик. Раздалось хихиканье.

Столик все с новой силой, упрямо и отчаянно, бодал противника, но нунтар все сильнее сжимал руки на шее поверженного. Все поплыло, Ларго захрипел.

В кармане оставался маленький, как незрелая слива, плод мага-лекаря. Но нунтара не победить им.

Когда мама спрашивала, кого Ларго любит больше, ее или папу, он всегда отвечал, что ее. Жить ему с мамой, побои терпеть от нее, а такие признания ее на время смягчали. Однажды Ларго остановил истерику мамы одним лишь «я же тебя люблю». Но, к сожалению, удивить можно только один раз.

Ларго отпустил душившие его руки нунтара, выхватил плод и запихнул его в рот ошеломленного врага. Тот от неожиданности отпрянул, Ларго прижал ноги к себе и со всех сил оттолкнул нунтара. Подтянул к себе сумку с плодами и всю ее высыпал перед тварью.

Изобилие и близость плодов ослепили врага. Тот принялся хватать их, рвать зубами, старался отгрызть как можно больше. Силу из них он извлечь не мог, но жаждал воспоминаний, скрытых в плодах. Простых человеческих воспоминаний о солнце, о летнем и зимнем ветрах, о крышах с красной черепицей и запахе свежей краски на бордюрах, о запахе костра и только что скошенной травы, о звонке при входе в пекарню, о людях, спешащих на воскресную молитву, о белых птицах в небе и, конечно, о хлебе...

Страдалец проглотил еще один плод, вдохнул, захлебнулся смехом, откинулся на землю, задрожал. Глаза у него закатились, он потерялся в пространстве и времени. Должно быть, витал где-то над рождественским городом и ловил снег своими кривыми руками. И напроочь забыл про Ларго...

Розга возникла из ниоткуда и обрушилась на хихикающее тело. Ларго сам не понял, как сплел ее. Точно такую же, голубую, как у мамы. В душе сделалось горячо, да так, будто тот, первый сотканный Ларго, костер не погас там, возле дерева, а навечно поселился у него внутри. И сейчас языки его пламени были красные, роковые, злые. Горло засадило. Откуда-то взя-

лись невыплаканные слезы и ком накопленной за годы обиды. Ларго ударил обездвиженного нунтара розгой еще и еще.

Никогда больше он не будет терпеть побои!

Сланг!

Просить прощения, когда не виноват!

Сланг!

Никогда больше Ларго не будет молчать, сносить унижения, прикидываться слабым и жалким!

Сланг!

Ларго не будет больше дрожать перед теми, кто сильнее, говорить тихо, ходить тихо, просить о помощи!

Сланг!

Ларго – не мальчишка больше! Ларго – зверь!

Сланг!

Сланг!

Сланг!

Сланг!

Сланг!

Можно было забить нунтара до смерти, но тут Ларго увидел на запястье ленточку малинового цвета и остановился.

Не зверь он – щепка.

Все лицо взмокло то ли от внутреннего пожара, то ли от слез. Страдалец под ногами весь скукожился. Глаза его все еще были застланы янтарной пленкой.

Глупое уродливое создание тумана. Слепленное как попало из силы и влаги высосанных некогда людей, животных, цветов. Но есть в нем нечто, что стремится к красоте, жаждет музыки и хлеба, хочет ощущать тепло и ловить руками снежинки, пусть иллюзорные.

Разве Ларго виноват, что вот так оно все вышло? Что они столкнулись тут вдвоем, оба голодные до плодов, но каждый по-своему.

Ларго сплел вокруг себя защитную сеть канареечного цвета. Сам не верил, что делает это, но бросил нунтару тот самый плод, что пах солнышком. Он, вообще-то, предназначался ЭлЭл, но у лукового леденца впереди много-много солнечного света.

Так должно быть. Правда, действовать нужно было быстро. Ларго силой собрал разбросанные плоды обратно в сумку, подобрал поводок, услышал заветное «топ-топ» и вместе со столиком помчался в туман.

Озноб настиг на пороге кафе.

Если мама с ЭлЭл мертвы, он навсегда останется щепкой. А если они живы... есть шанс обратно стать человеком. Добраться до Рондокорта и купить для ЭлЭл самый красивый на свете малиновый зонтик. Каждое утро Ларго будет покупать на рынке свежую малину и приносить сестре. Может, эта малина ее вылечит?

Ларго перестал дышать.

Мама лежала на полу. ЭлЭл тоже. И никакой голубой сетки над ними.

Значит, все.

Где-то далеко послышался вопль. Нунтары орали, обнаружив пропажу. Не хихикали. Этой болью они не могли насладиться. Ларго хотел заорать так же, как нунтары. Стать нунтаром. Стать туманом. Или вовсе перестать быть.

Но тут белые кудряшки встрепенились. Сестра проснулась. Села.

Ларго подбежал к ней, резко поставил на ноги. Приник к маме. Едва дышит.

Подхватил с пола упавшую стойку для верхней одежды, которую использовали некогда гости кафе. Насадил на крючки янтарные липкие плоды. Бросился к ЭлЭл, привязал ее к маме синим ремешком. С помощью силы уложил маму на столик, сестру усадил рядом.

Движение сбоку – Ларго почти швырнул вполухом в седого чужака. Никаких переговоров! Но замер... перед зеркалом.

Теперь понятно, почему в глазах ЭлЭл был страх.

Некогда думать. Ларго схватил поводок, котомку. И, словно знамя, поднял вешалку с плодами. Вывел всех из кафе на площадь и стал ждать. Нунтары найдут к ним путь быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.